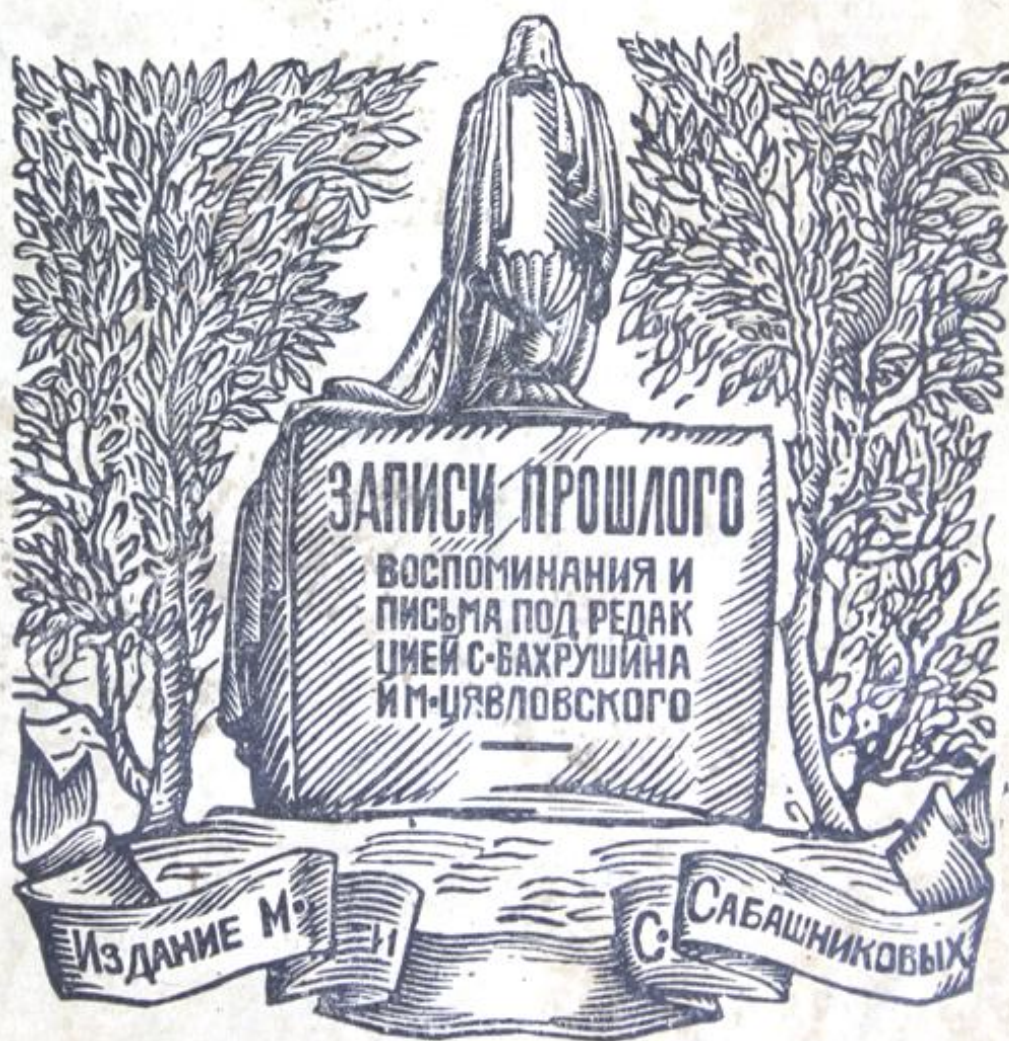

82.3P1 - ЦГБ, ОНЖФ

Д54

ДНЕВНИКИ СОФЬИ АНДРЕЕВНЫ ТОЛСТОЙ

1860—1891

А

(Нету)

ЗАПИСИ ПРОШЛОГО

ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

С. БАХРУШИНА и М. ЦЯВЛОВСКОГО

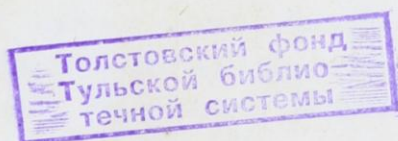
ДНЕВНИКИ СОФЬИ АНДРЕЕВНЫ ТОЛСТОЙ

1860 — 1891

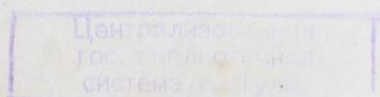
Редакция С. Л. ТОЛСТОГО
Примечания С. Л. ТОЛСТОГО и Г. А. ВОЛКОВА
Предисловие М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

69292-1044Ф
79

ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ
1928

Тираж 7.000—14 п. л.

Центральная Типография Наркомвоенмор, Ленинград, пл. Урицкого, 10.

Впервые издаваемые дневники супруги Л. Н. Толстого, Софьи Андреевны Толстой, рожд. Берс (род. 22 августа 1844 г., ум. 4 ноября н. с. 1919 г.), охватывают большой период времени в сорок два года, с 8 октября 1862 г. по 14 января 1905 г.

В настоящую, первую часть, кроме дневника, включены еще разнородные писания Софьи Андреевны, объединенные нами под названием „Автобиографические записи“. Они заключают в себе, во-первых, единственный уцелевший из ее девичьих дневников, во-вторых, воспоминания о женитьбе Л. Н. Толстого и, в третьих, извлечения из тетради, носящей название „Мои записи разные для справок“.

Отрывок из девичьих дневников „Поездка к Троице“ относится к 1860 году, когда писавшей не исполнилось еще шестнадцати лет. В детском, бесхитростном повествовании о поездке в монастырь прорываются столь характерные для позднейших дневниковых записей элегические ноты. Автор переживал какое-то горе, вероятно, и побудившее совершить паломничество. Вообще, отрывок хорошо рисует буржуазно-патриархальный быт семьи Берс, во многом определивший жизненные идеалы Софьи Андреевны.

Воспоминания „Женитьба Л. Н. Толстого“ написаны в 1912 г., когда Софье Андреевне, второй год уже вдовешей, было шестьдесят восемь лет. Воспоминания эти представляют собою вторую редакцию записи в дневнике под 8 февраля 1893 года, имеющей заглавие „Мой роман с Львом Николаевичем“ (входит во вторую часть настоящего издания). По сравнению с записью дневника воспоминания эти, предназначавшиеся для печати, пространнее и более обработаны в литературном отношении.

Записи из тетради „Мои записи разные для справок“, частично использованные биографами Толстого—П. И. Бирюковым и Н. Н. Гусевым, а также и мною (ст. „Работа Л. Тол-

стого над романом „Декабристы“ в кн. „Толстой. Декабристы“. Изд. „Огонек“. М. 1925), впервые появляются в печати полностью.

Первостепенное значение этих заметок для биографии и истории творчества Толстого прекрасно понимала сама Софья Андреевна, начавшая их такими словами: „На днях, читая биографию Пушкина, мне пришло в голову, что я могла бы быть полезна для потомства, которое будет интересоваться биографией Левочки, и записывать не вседневную его жизнь, а жизнь умственную, насколько я способна следить за ней“. Можно только пожалеть, что Толстая сравнительно так поздно начала вести эти записи, так нерегулярно их вела и так скоро оставила.

Чрезвычайно любопытны заметки 1870, 1871 и 1873 г.г., когда „Война и мир“ была написана, а „Анна Каренина“ еще не начата, в период исканий тем, поисков сюжета сначала для драматического, потом для эпического произведения. Кратки, но очень содержательны заметки 1873—1876 г.г. об „Анне Карениной“ (к ним примыкает написанная позднее заметка „Почему Каренина Анна“) и 1877—1878 г.г. о „Декабристах“. В эти годы Лев Николаевич не вел дневника, и записи Софьи Андреевны являются почти единственным источником наших сведений о писателе за это время творческих исканий.

Как ни кратки, к сожалению, заметки Софьи Андреевны о ссоре Л. Н. Толстого с И. С. Тургеневым и их примирении, они ценны уже по одному тому, что первая из них — „о ссоре“ написана со слов самого Льва Николаевича. В 1903 г. Софьей Андреевной были написаны воспоминания о Тургеневе, напечатанные в № 224 „Орловского вестника“ за этот год (перепечатаны в сборнике Н. Л. Бродского, „И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах“, ч. I, М. 1924), но они не только ни в какой мере не обесценивают публикуемых записей 1870-ых годов, но и существенно дополняются и исправляются последними.

Об отходе от художественного творчества и увлечении религиозно-философскими вопросами говорят две последние записи 1879 и 1881 г.г.

Печатаемый в настоящей книге дневник С. А. Толстой охватывает период в двадцать восемь лет и три с половиной месяца — с 8 октября 1862 г. по 23 января 1891 г. Велся он

очень нерегулярно: за это продолжительное время сделано лишь двести тридцать три записи, — в среднем, одна запись в полтора месяца. Только в 1862 и 1863 г. г. записи делались более или менее систематически—всего их за это время сорок одна, в дальнейшем же мы не имеем ни одной записи за три года (1869, 1884 и 1889), по одной записи за девять лет (1868, 1870, 1871, 1874, 1875, 1877, 1883, 1885 и 1888 г. г.), две записи за 1879 г., по три за четыре года (1873, 1876, 1881 и 1882), по четыре за два года (1864 и 1886 г. г.) шесть за 1867 г., девять за 1880 г., десять за 1866 г., тринадцать за 1887 г., семнадцать за 1865 г., девятнадцать за 1891 г., двадцать две за 1872 г., двадцать пять за 1890 г. и сорок за 1878 г.

Со стороны содержания записи делятся на две категории. Первая—это записи повествовательного, или, точнее, фактического характера, дающие краткий отчет о прожитом дне, отмечающие события, заслуживавшие, с точки зрения писавшей, внимания. Другие записи, не заключая в себе почти никаких фактов, являются чисто лирическими излияниями или, вернее, жалобами на себя, на мужа, на все окружающее. Записи этого рода, по определению самой Софьи Андреевны, удовлетворяли „потребность сосредоточиться и выплакаться, выписаться в журнале“ (запись от 22 апреля 1864 г., стр. 82). Знал это обыкновение Софьи Андреевны и Лев Николаевич, как-то рассердивший ее словами „когда не в духе—дневник“ (запись от 2 января 1864 г., стр. 82). В этого рода записях события, факты служат поводом лишь к рассуждениям, ламентациям, самобичеванию. Натура, несомненно, от природы меланхолическая, Софья Андреевна часто безрадостна, подозрительна, мнительна и ревнива ко всему и всем в своем дневнике. Много, написанное „не в духе“, конечно, объясняется и состоянием здоровья: так, записи с октября 1862 г. по май 1863 г. сделаны во время первой беременности, когда писавшей шел девятнадцатый год, а в июле — сентябре этого года Софья Андреевна болела грудницей, что потом повторялось при кормлении чуть ли не каждого ребенка. Материнские чувства Софьи Андреевны прекрасно выражены в ее дневнике, и, конечно, ни малейшего преувеличения нет в словах ее: „Я люблю детей своих до страсти, до боли, всякое малейшее

страдание приводит меня в отчаяние, всякая улыбочка, всякий взгляд радуется до слез" (запись от 27 августа 1866 г., стр. 96).

Несмотря на ярко выраженный импрессионизм многих записей дневника, фиксировавших скоро преходящее настроение, мгновенные „взрывы“ темперамента и притом порой в сильных выражениях (см., например, отзыв о Сергее Николаевиче Толстом „кругом подлец“, на стр. 91, или „желание“ неизвестной „нигилистке“ М. И. „всевозможного зла“, на стр. 95), „взрывы“, которым в сущности такой случайный факт, как запись в дневнике, придает большую значимость, чем они того заслуживают в объективной оценке, несмотря на все это, дневники Софьи Андреевны, не говоря уже об исключительной ценности их для характеристики ее самой, и как материал для биографии Л. Толстого—источник немаловажный. Только пользоваться ими нужно с большой осторожностью, чтобы не сделать выводов, на которые записи дневника не уполномачивают. В этом отношении весьма примечательна запись от 31 июля 1868 г., сделанная Софьей Андреевной после перечитывания записей за предшествовавшие годы: „Смешно читать свой журнал. Какие противоречия, какая я будто несчастная женщина. А есть ли счастливее меня? Найдутся ли еще более счастливые, согласные супружества? Иногда останешься одна в комнате и засмеешься своей радости и перекрестишься: дай, бог, долго, долго так. Я пишу журнал всегда, когда мы ссоримся. И теперь бывают одни ссоры, но ссоры происходят от таких тонких душевных причин, что если б не любили, то так бы и не ссорились. Скоро шесть лет я замужем. И только больше и больше любишь. Он часто говорит, что уже это не любовь, а мы так сжились, что друг без друга не можем быть. А я все так же беспокойно и страстно, и ревниво, и поэтично люблю его, и его спокойствие иногда сердит меня“.

Ведь не будь этого признания, какие ложные построения мог бы сделать неосторожный биограф.

10 июня 1928 г.

М. Цявловский.

Встречающиеся в тексте (в шестнадцати местах) цифры в прямых скобках означают число выпущенных слов.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ
ЗАПИСИ

ПОЕЗДКА К ТРОИЦЕ.¹

1860² июнь 14.

Выехали мы в четыре часа утра, в дурном расположении духа и сонные. Люба³ и я сели в шарабан, мама⁴ на козлы, а Лизы⁵ две и Саша⁶ в телеге. Всю дорогу мы молчали и дремали. Только раз монотонность дороги прервана была хохотом в телеге, возбужденным Сашей. В Мытищах⁷ по обыкновению напали на нас бабы с предложениями напиться чайку под березками, в холодочке, уверяя, что нельзя не напиться Мытищинской водицы. В Братовщину⁸ мы прибыли в 9 часов утра, как и предполагали, и остановились в лучшем постоялом дворе. Только что приехали, расположились с съестными припасами, и съели целый пирог с грибами в одно мгновение. Затем принесли самовар. Я стала покуда разглядывать картины, развешанные по стенам. Они изображали портрет государя и государыни и митрополита. Кроме того, были две картины с французскими надписями, и две духовного содержания. Саша лежит и читает Забавный календарь. Лиза петербургская и Люба хлопчат по хозяйственной части, мама моет посуду, а Лиза наша всем мешает, блажит, просит есть и покушается украсть из мешка карамели. Напившись чаю, я и Люба отправились спрашивать у мужика, по какому случаю стоит здесь часовня. Он взошел в избу и стал рассказывать целую историю, как в 12-м году перенесли с этого места церковь на другое, как потом хотели на этом месте строить трактир, но священник и церковный староста донесли владыке, т.-е. митрополиту. Владыка запретил и велел на том месте, где был престол, поставить часовню. Мы схлопотали себе купанье. Нас сведет на речку Скалду дочь хозяина, 17-тилетняя девушка, по поводу

которой отец ее, очень словоохотливый крестьянин, вел длинный философический разговор. Как трудно выдавать дочерей замуж, как не узнаешь людей и как люди обманывают. Судил он верно, и по-русски. Он говорил, что у них обычай платить отцу за жену и что отец в свою очередь должен давать приданое. Теперь мы пойдем отдыхать, вероятно не заснем. Потом выкупаемся, пообедаем и поедем в 4 часа. Я все время ждала и желала соседей. Мое желание исполнилось. Через тоненькую деревянную стенку пьют чай какие-то господа. Толстый господин, госпожа такого же объема, старушка и сухопарая, белокурая дочка. У них что-то ужасно тихо. Соседи не веселые. Я забавлялась, глядя, как они высаживались из брички. Им подставили скамейку, и они один за другим, хромя и охая, выгружались из экипажа. Мне здесь надоело, пора в дорогу. Да что-то вообще тяжело на душе. Ничто особенно не веселит, как бывало. (Нет действия без причины.) Стараешься забыться, да гадкие мысли так и лезут в голову.

Как предполагали, так и сделали. В 4 часа мы выехали из Братовщины. В телегу села Люба, я и Саша, а остальные поместились в шарабане. Дорогой мы вели довольно веселый, или, вернее сказать, приятный разговор. Остановились у часовни, где ели блины. Мы болтали с деревенскими девушками, которые в огромном количестве окружили нас. Спрашивали, как мы приходимся сродни, есть ли между нами замужние, когда воротимся, и проводили нас с благословениями и всевозможными добрыми желаниями, говоря, что редко встретишь таких негордых господ.

Прибыли к Троице в 9 часов вечера. Нам дали просторный, порядочный номер. Вид на всю Лавру. Погода отличная, тихо, тепло, как-то располагает к мечтательности. Странное впечатление произвел на меня в сегодняшнюю поездку Троица-Сергиевский монастырь. Я никогда не въезжала сюда с таким благоговением, с такою верою. Вот что значит иметь горе. Мне кажется, я буду молиться, и с молитвою улетит все мое горе, все мои заботы. Правда, говорится, что „вера спасительна“. Хоть смешны покажутся мои рассуждения, но что же делать, когда у меня осталось только одно утешение, одно спасение, это моя вера и молитва. Положилась я на бога, и теперь, за-

жмуря глаза, пойду свой жизненный путь под его произволом и благословением. Мне трудна жизнь, я не умею руководить собою. Сколько раз я имела хорошие намерения, сколько раз решалась на что-нибудь твердо, но силы мои слабели, и я невольно должна была отказаться от своих намерений. Но я в самом деле замечталась. Я так глупо, так странно расположена. Кругом меня все хлопчат, суетятся, мы только что пили чай, а теперь готовим ночлег. Люба приготовила мне и себе рядом постели. Вещи все уложены, и мы скоро ляжем спать.

У меня все вертится в голове одна молодая дама, которая стояла на крыльце гостиницы. Она была вся в трауре, и держала на руках маленькую девочку, новорожденную, вероятно дочь, потому что она две капли воды похожа на мать. Вероятно у этой дамы умер муж, мне это первое пришло в голову, не знаю почему. Она очень хороша собой, черная, совершенно в моем вкусе, и такая скучная, несчастная, даже жалко стало. Да мне нынче как-то все скучно, и всех жалко; все дурные мысли; как бы их прогнать. Сейчас пойду спать. Уже Люба зовет меня.

15 июня.

Мы встали сегодня в 7 часов, и мама насилу подняла меня и Любу. Мы спали вместе, устроили себе двухспальную постель, и все дразнили нас, что мы супруги. Я Любу звала моим мужем, и мы все целовались.

Как встали, напились чаю и пошли к обедне. Везде гуляли, осматривали, т.-е. показывали кузинам все замечательные церкви, строения, места и проч. У обедни мы были в церкви св. Сергия. Пели отлично, и говорил один монах довольно дельную проповедь о вере и благочестии. Здесь встретили мы Головина,⁹ в сопровождении которого пошли гулять. Ходили везде, где только стоит быть, накупили образов, игрушек и разных подарков домой. Потом пошли купаться в купальню семинаристов, на пруду, где предурная вода. Теперь половина третьего, и мы будем сейчас обедать. Часа в четыре выйдем домой. Не знаю радоваться домой, или скучать; вообще мною овладела такая тоска, такая хандра, что мне все чудится в дурном виде.

Вечер 15 июня 1860.

Снова мы возвращаемся домой. Уехали мы из Троицы, нас проводил Головин, был вообще очень мил и любезен. В пещерах около села Талицы, мы останавливались прогуляться по этим пещерам. Там сыро, холодно, какие-то низенькие своды, так что я несколько раз раскаивалась, что пошла. Я ехала на козлах, сама правила и смешила этим проезжих и прохожих. Когда мы приехали в Братовщину, к нашим прежним хозяевам, мы созвали огромное количество мальчишек и девочек и заставили их петь.

Много было смеху с ними, так что и меня рассмешили. Одно только жалко, что мальчишки сейчас же с деньгами, которые мы им дали, пошли играть в орлянку. Слишком рано развивается у них страсть к игре. После нас заставил их петь какой-то джентльмэн, постоялец наш сосед. Он стоит в ближайшем постоялом дворе.

После чаю мы пошли с Любой прогуливаться по дороге. Всего нагладишься в деревне. Приехал около нас, на постоялый двор зять хозяин, совсем пьяный. Сам хозяин, также мертвецки пьяный, прохаживается около дома, бранится, шатается и болтает всякий вздор. Бабы только жалуются да плачут. А другие, постарше, так привыкли, что молчат и терпеливо сносят все.

Сноха хозяина нашего дома говорит, что теперь редко найдешь не пьяных мужей. Что у них и кабак и трактир и что поневоле идешь, как есть поощрение. Я все с ней говорила за воротами, на лавочке, и возилась с ее дочкой Таней, прехорошенькой, белокурой, четырехлетней девочкой. Она очень умненькая и бойкая, и я все заставляла ее говорить французские слова, что выходило очень смешно. Теперь я пойду спать, Лиза, мама, Люба и другая Лиза уже все лежат. Теперь 10 часов, а в 2 утра, или вернее ночи, мы выйдем. За стеной слышно храпение Саши, которому завидует мама, Люба тоже заснула. Мы себе втроем, т.-е. я, Люба и Лиза Петербургская постелили на пол сена, покрыли ковром и простынями и на этом будем спать.

В Мытищах, по дороге домой, будем пить чай, а дома очутимся не прежде 8 или 9 часов утра. Я вовсе не радуюсь до-

мой, мне стало все равно.—Напротив, мне бы хотелось уехать куда-нибудь подальше, хотелось бы даже провалиться куда-нибудь, умереть, что-нибудь, только не вспоминать, что было. Мне было так хорошо, так отрадно, так весело, но не долго длилось все это, теперь стало так тяжело жить на свете! Жить воспоминаниями страшно и не смею. Стараюсь, напротив, все забыть, а забывать нехватает сил и жалко. Что делать, как действовать? Не знаю, и кидаюсь во все стороны, бьюсь, как птица в клетке.

Как кстати могу сказать стих Лермонтова:

И скучно и грустно,
И некому руку подать.

Протяни мне кто-нибудь руку, дай совет, сообразный моему положению, я охотно послушаюсь.

В Мытищах пили чай и кофе и поехали в 6 часов. Теперь наконец дома. Я очень рада; всех нашли здоровыми и веселыми.

ЖЕНИТЬБА Л. Н. ТОЛСТОГО¹⁰.

Поездка в Ивицы и Ясную Поляну.

В начале августа 1862 года мы, три сестры, были страшно обрадованы известием, что моя мать с маленьким братом Володи¹¹ и нами, тремя девочками, собирается ехать на лошадях в ходивших в то время анненских каретах к отцу своему, нашему деду, Александру Михайловичу Исленьеву.¹²

Дедушка Исленьев (описанный Львом Николаевичем в „Детстве“ в лице „папа“) жил в то время в имении своем „Ивицы“, Одоевского уезда, единственном, оставшемся от большого состояния, и то купленном на имя его второй жены, мачехи моей матери, Софии Александровны, рожденной Ждановой.¹² Эта Жданова описана у Льва Николаевича в „Детстве“ под именем „La belle Flamande“*.

Все три дочери¹³ моего деда от второго брака были тогда молодые девушки, и со второй из них я была очень дружна.

Имение деда моего отстояло от Ясной Поляны приблизительно в 50-ти верстах. В Ясной Поляне находилась в то время сестра Льва Николаевича, Мария Николаевна,¹⁴ приехавшая из Алжира, и так как моя мать была лучшим другом¹⁵ детства Марии Николаевны, и им, естественно, хотелось повидаваться, то мать моя, с детства не посещавшая Ясную Поляну,¹⁶ решила непременно заехать туда. Это привело еще нас в больший восторг, и мы с сестрой Таней¹⁷ радовались, как радуются очень молодые всякой перемене и передвижению. Сборы были оживленные, шились нарядные платья; укладывались и с нетерпением ждали дня отъезда.

* [Прекрасная фламандка].

День отъезда я совсем не помню. Смутны и мои воспоминания о дороге—станции, перепряжка лошадей, еда на скорую руку и усталость от непривычки к дорогам. Приехали мы в Тулу¹⁸ к сестре моей матери, тетеньке Надежде Александровне Карнович,¹⁹ жене тульского предводителя дворянства. Ходили осматривать город Тулу, который мне показался очень скучным, грязным и неинтересным. Но надо было ничего не пропустить и добросовестно отнестись ко всему во время нашего путешествия.

После обеда мы поехали в Ясную Поляну. Был уже вечер. Погода была прекрасная. Дорога засекой,²⁰ по шоссе, такая живописная, и так ново, так просторно и непривычно для нас, городских девочек, было это впечатление первобытной природы.

Мария Николаевна и Лев Николаевич встретили нас шумно-радостно. Сдержанная и любезная тетенька Татьяна Александровна Ергольская²¹ встретила нас французскими учтиво-любезными приветствиями, а приживалка ее, старушка Наталья Петровна,²² то молча гладила меня по плечу, то, подмигивая, заигрывала с моей меньшей сестрой Таней, которой было в то время 15 лет.

Нам отвели внизу большую комнату со сводами,²³ не только просто, но и бедно меблированную. Вокруг этой комнаты стояли диваны, выкрашенные белой краской, с очень жесткими подушками вместо спинок и такими же сиденьями, все обитое полосатым, синим с белым, тиком. Тут же стояло длинное кресло, с такими же подушками, и тоже белое. Стол был простой, березовый, сделанный домашним столяром. В потолок сводов вделаны были железные кольца, на которые вешали в старину седла, окорока и прочее, когда при деде Льва Николаевича, князе Волхонском,²⁴ комната эта была кладовой.

Дни уже были не очень длинные. Это было в начале августа. Мы едва успели обежать сад, и нас Наталья Петровна повела на малину. В первый раз в жизни нам пришлось есть малину с кустов, а не из решот, в которых привозили нам на дачу малину для варенья. Малины на кустах уже было мало, но я очень любовалась красотой этих красных ягод в зелени и наслаждалась их свежим вкусом.

Ночлег и кресло.

Когда стало смеркаться, мать послала меня вниз разложить вещи и приготовить постели. Мы с Дуняшей,²⁵ горничной тетьки, занялись приготовлением к ночлегу, как вдруг вошел Лев Николаевич, и Дуняша обратилась к нему, говоря, что троим на диванах постелила, а вот четвертой места нет.

— А на кресле можно,—сказал Лев Николаевич и, выдвинув длинное кресло, приставил к нему широкую квадратную табуретку.

— Я буду спать на кресле,—сказала я.

— А я вам постелю постель,—сказал Лев Николаевич,—и неловкими, непривычными движениями стал развертывать простыню. Мне было и совестно и было что-то приятное, интимное в этом совместном приготовлении ночлегов.

Когда все было готово, и мы пришли наверх, сестра Таня, усталая, свернувшись, спала на диванчике в комнате тетьки. Володю тоже уложили спать. Мама беседовала с тетенькой и Марией Николаевной о старине. Сестра Лиза вопросительно встретила нас глазами. Всякую минуту этого вечера я помню живо.

В столовой с большим итальянским окном косенький, маленького роста лакей, Алексей Степанович,²⁶ накрывал ужин. Величавая довольно красивая Дуняша (дочь дядьки Николая, описанного в „Детстве“) помогала ему и что-то расставляла на столе. Дверь в середине стены была отворена в маленькую гостиную с старинными розового дерева клавикордами, а из гостиной были отворены двери, с таким же итальянским окном, на маленький балкон, с которого был прелестный вид, потом, во всю мою последующую жизнь, привлекавший мои взоры. И поныне я люблюсь им.

Я взяла стул и, выйдя на балкон одна, села любоваться видом. То настроение, которое охватило меня в то время, я не забывала никогда, хотя никогда не сумею его описать. Было ли то впечатление настоящей деревни, природы и простора; было ли это предчувствие того, что случилось полтора месяца после, когда я уже хозяйкой вступила в этот дом; было ли это просто прощание с свободной девичьей жизнью или все вместе,—не знаю. Но настроение мое было очень значительное, серьезное, счастливое и какое-то новое, беспредельное.

Все собрались ужинать. Лев Николаевич пришел звать и меня.

— Нет, благодарю вас, я не хочу есть,— сказала я,—здесь так хорошо.

Из столовой слышался притворный, капризный, шутливый голос моей, всеми балованной и привыкшей к этому, сестры Тани. Лев Николаевич вернулся в столовую, но, не кончив ужинать, пришел опять ко мне на балкон. О чем мы говорили,—я подробно не помню; помню только, что он мне сказал: „Какая вы вся ясная, простая“. И мне это было приятно.

Как хорошо спалось в длинном кресле, приготовленном мне Львом Николаевичем. С вечера я вертелась в нем, было немного неловко и узко от двух сторон локотников, но я смеялась в душе каким-то внутренним весельем, вспоминая, как Лев Николаевич готовил мне этот ночлег, и засыпала с новым, радостным чувством во всем моем молодом существе.

Пикник в Ясной Поляне.

Радостно было и утреннее пробуждение. Хотелось всюду обежать, все осмотреть, со всеми поболтать. Какой был легкий дух и тогда в Ясной Поляне! Лев Николаевич хлопотал, чтоб нам было весело; Мария Николаевна очень этому сочувствовала. Запрягли так называемые катки,—длинный экипаж-линейку. В корню был рыжий Барабан, пристяжная — Стрелка. Потом оседлали старинным дамским седлом гнедую Белогубку, а Льву Николаевичу—очень красивую белую лошадь, и стали собираться на пикник.

Приехали еще гости: жена тульского архитектора, Громова,²⁷ и Сонечка Бергхольц,²⁸ племянница начальницы тульской женской гимназии Юлии Федоровны Ауэрбах.²⁹ Марья Николаевна, счастливая, что с ней были ее два лучших друга, моя мать и Громова, была в особенно игривом и веселом настроении: острила, шутила и бодрила всех. Мне Лев Николаевич предложил ехать верхом на Белогубке, чего мне очень хотелось.

— А как же, у меня здесь амазонки нет,— сказала я, оглядывая свое желтенькое платье с черными бархатными пуговками и таким же поясом.